

ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИХ» ЭЛЕМЕНТОВ В АНТРОПОНИМИИ

Ю. ЮРКЕНАС

1.1. При анализе древней гидронимии Х. Краэ приходит к выводу, что на территории, которую занимают или когда-то занимали германские, кельтские, италийские (с венетским), иллирийские и балтийские племена, распространены аналогичные, общие по форме и по характеру своего происхождения так наз. „древнеевропейские“ гидронимы. В большинстве случаев они не являются общиндоевропейскими. Эти названия, по мнению Х. Краэ, — продукт эпохи еще окончательно не обособившихся европейских языков. Согласно упомянутой теории, в то время, когда греческий, индийский и хеттский выделялись как оформившиеся и обособившиеся языковые группы, указанные европейские языки представляли собой комплекс весьма близких диалектов. „Лингвистические и вещественные данные позволяют строить предположение о том, что периодом расцвета древнеевропейской гидронимии можно считать середину II тысячелетия до н.э. В то время языковые группы, составлявшие указанное объединение, т.е. германский, кельтский, италийский (с венетским), иллирийский и балтийский, были еще сравнительно близки друг к другу“ [Краэ, 1954, S. 49—64; 1958, S. 44].

В. П. Шмид тоже считает примечательным явлением то, что на территории Европы распространены так наз. „древнеевропейские“ гидронимы, которые не поддаются истолкованию на материале какого-нибудь одного известного и.-е. языка. Отношения между единицами данного типа, обнаруживаемыми в разных частях Европейского континента, определяются правилами и.-е. звуковых соответствий. По своей структуре эти гидронимы полностью соответствуют закономерностям и.-е. словообразования, а лексемы и аффиксальные элементы могут быть истолкованы на базе инвентаря и.-е. корней и аффиксов.

Причины данного явления В. П. Шмид объясняет путем построения модели, изображающей отношения между и.-е. языками. Расположение и.-е. языков представляется В. П. Шмидом в виде концентрических окружностей. В центре модели помещаются балтийские языки. Следовательно, территорию, которую занимают или когда-то занимали балтийские племена, он считает

центром, где наблюдается скопление древнеевропейских гидронимов. Это обстоятельство объясняется В. П. Шмидом тем, что балтийские языки занимали центральное положение в пространстве, где происходило формирование и.е. языков [Schmid, 1972, S. 1—18; 1973, S. 189—194; 1976, S. 115—122; 1978, S. 6—13]. „Где бы мы не находили эти древние гидронимы — в Скандинавии, во Франции, в Германии, на Балканах или на северном берегу Черного моря — всегда находим точные соответствия в балтийском“ [Schmid, 1976, S. 117—118]. Ярким примером, иллюстрирующим соображения В. П. Шмида, можно считать приведенную им карту со схемой распространения 27 „древнеевропейских“ гидронимов [Schmid, 1972, S. 11]

В. П. Шмид не находит возможным говорить о таком слое собственных имен, который представляет собой продукт, порожденный какой-то группой еще окончательно не разделившихся языков Европы. Он предлагает термины „древнеевропейский“, „индоевропейский“ и „празыковой“ (voneinzelsprachlich) использовать как синонимы [Schmid, 1972, S. 5].

1.2. При анализе другой разновидности онимического материала — древних личных имен — встает вопрос о том, не отражено ли в древней антропонимии явление, описанное Х. Краэ и В. П. Шмидом.

Функционирование антропонимов характеризуется специфическими особенностями. Гидронимы остаются названиями того же объекта в течение тысячелетий. Носители антропонимов меняются с каждой сменой поколений. Тем не менее в антропонимических системах сохраняется довольно много весьма архаичных элементов. Наши наблюдения позволяют думать о том, что общность, породившая множество так наз. „древнеевропейских“ гидронимов, оставила след и в антропонимии соответствующих языков¹. Приведем ряд антропооснов и их сочетаний, которые могут быть восприняты именно как продукт какого-то контактирования племен на определенной стадии их развития.

2.1. **Gail-**: лит. *Gaila, Gailius, Gailiūnas, Bur-gáila, Liu-gáila, Rin-gáila, Skir-gáila, Son-gáila, Sur-gailis, Svir-gaila, Viz-gaila*, в письменных памятниках Довкгайл-овичь [Переписи, 1915, с. 204]*, Мин-кгайла [Jablonskis, 1934, p. 514], Нар-кгайл-овичь [Переписи, с. 213], Рым-кгайл-о [там же, с. 202], Сун-кгайл-овичь [там же, с. 204], Я-кгойл-овичь [там же, с. 43]; др.-прусск. *Gayle, Gaylene, Gaylicke, Gailine, Gaylne, Gayle-manne, Gayle-minne, Ey-gayle, Clawsigail, Mynne-gayle, Ny-gayl, Way-gail, Wy-gail* [Trautmann, 1925, p. 136]; лтш. *Gayle*,

¹ Термин „древнеевропейский“ здесь используется в широком смысле (как он предстает в работах В. П. Шмида). Иначе говоря, слово „древнеевропейский“ в данной статье рассматривается как синоним к термину „индоевропейский“ или „празыковой“.

* Здесь и далее в аналогических примерах год издания указывается лишь в первом случае.

Gailis [Blese, 1929, p. 176], Gaylune, Geile [там же, с. 285]; серб.-хорв. Zelo-drag, польск. антропотопоним Zielo-myśl [Svoboda, 1964, p. 98]; герм. Gailo, Geilo, Kailo, Gaila, Gailanae (gen), Goyla, Gailanus, Geila-mir, Gail-rada [Förstemann, 1856, p. 458–460], Geilaris [Schönfeld, 1965, p. 105]; кельт. Gailonius, Gailonis [Holder, 1896, 1, p. 1513]; фрак. βουρ-γαιλος [Detschew, 1957, p. 101]; иллир. Gailonius [Krahe, 1958, p. 146].

К. Буга писал, что основа литовских собственных имен Gail- является родственной лит. *gailėti* ‘жалеть’, *gaila* ‘жаль’, *gailūs* ‘жалостливый, достойный сострадания; едкий, острый, терпкий, горький’ = слав. *зѣль*; „heftig“ = д.-в.-н. *geil* ‘резвый, шаловливый; пышный, буйный’ (ausgellassen, mutwillig, üppig) [Büga, 1958, 1, p. 248].

Примечательным является тот факт, что попытки определения характера соответствующих германских и славянских антропооснов сводятся к единицам того же этимологического ряда (сюда относятся, кроме указанных К. Бугой, единицы типа др.-чешск. *zielo* ‘очень’, лтш. *gails* ‘сладострастный’, гот. *gailjan* ‘радовать’ и т.д.) [Kaufmann, 1968, p. 131; Schönfeld, p. 105; Svoboda, p. 98].

2.2. Кор-: лит. Kar-eikis, Kar-ėlis, Kar-ulis, Kar-utis, Kara-minas, Kari-butas, Kari-jotas, Kar-manas, Kar-monas, в письменных памятниках Кору-бут-овича (р. ед.) [Jablonskis, p. 219], Kori-gal [Büga, 1, p. 163], Корь-манъ [Переписи, с. 77], Кар-еля [Jablonskis, p. 267]; др.-прусс. Karioth, Karis [Trautmann, p. 43]; лтш. Karres, Karris [Blese, p. 188]; герм. Haric, Hario-baudes, Hari-bert, Hare-gaud, Hari-land, Hari-man, Har-man, Har-win [Förstemann, p. 614–636]. Hari-ulfus, Chario-merus, Hario-mundus, Hariso [Schönfeld, p. 126–128]; кельт. Coretius, Coriso(o) [Holder, 1, p. 1114–1134], Corio-solis, Petru-corius, Stir-corius [Schmidt, 1957, p. 183–184]; греч. Κοίρανος, Κοίρων [Fraenkel, 1962, p. 220].

Славянские антропонимы данного типа обусловлены, по всей вероятности, контактами с соседними племенами (главным образом балтийскими). Ср. др.-русс. Кор-ман [Веселовский, 1974, с. 156], блр. Кор-ман [Бирилло, 1966, с. 225]², польск. Kor-gal, Kor-man, Kory-but, Kor-win [Slownik, 1965–1973, 3, p. 80–89].

Источником, породившим антропонимы данного ряда, большинство исследователей считает гнездо генетически родственных слов типа лит. *kāras* ‘война’, *kar̃s* ‘воин, солдат’; лтш. *karš* ‘война’; др.-прусс. *kargis* ‘войско’; гот. *harjis* ‘войско’; кельт. *corio-* ‘множество бойцов’ (Kriegerschar); греч. *κοί-*

² Русское собственное имя *Корман* рассматривается некоторыми исследователями как единица, возникшая на базе апеллятива *карман* [Фасмер, 1967, 2, с. 201]. Думается, что антропоним *Корман* обусловлен не указанным апеллятивом неясного происхождения, а представляет собой частицу многочисленного ряда антропонимов, выступающих в нескольких системах собственных имен.

ρανος (из *korjanos) ‘повелитель, властитель’ и т.д. [Büga, 1, p. 163; Kaufmann, p. 174; Schmidt, p. 183; Schönfeld, p. 126].

2.3. *Leik-* / *Lik-*: лит. *Leikys, Leikus, Leik-manas, Likà, Likas, Likis, Lik-šà, Lik-utis, Lik-manas*, в письменных памятниках Лик-ойтись [Jablonskis, p. 560], *Lik-sz-ayčis* [Jablonskis, p. 576]; др.-прусск. *Na-leyks, Leyke, Leyk-awte, Leik-otin, Na-licke, Licke, Lik-asche, Lyk-oyte, Lyk-use, Lick-ucz, Lixa* [Trautmann, p. 142–143]; лтш. *Likays, Likas, Liken, Lyxsche* [Blese, p. 205], *Lick-um, Lik-uthe* [Blese, p. 295]; герм. *Daga-leich, Theut-leich, Willi-leih, Wini-leih, Leich, Liche* [Förstemann, p. 824]; кельт. *Lic, Licaus, Licca, Liccaius, Liccus, Licutanus, Lico-rfx* [Holder, 2, p. 206–213]; *Lixa* [Holder, 2, p. 275]; иллир. *Licaus, Licaus, Licca, Licco, Liccaeus, Licca(vus)* [Krahe, p. 168].

Р. Траутман считает, что др.-прусск. антропоним *Lickucz* возник на базе др.-прусск. апеллятива *likuts* ‘маленький’, а вся указанная группа связана узам родства с этимологическим рядом слов типа др.-прусск. *polinka* ‘остаётся’ [Trautmann, p. 143]. В данное гнездо родственных лексем, в частности, входят лит. *liekù* ‘остаюсь’, *likti* ‘оста(ва)ться’, лтш. *likt* ‘класть, ставить’, гот. *leiþan*, д.-в.-н. *lthan* ‘одалживать, ссужать’ и т.д.

В „Индоевропейском этимологическом словаре“ Ю. Покорного приводится несколько топонимов типа лит. *Liekè, Leika*, иллир. *Epi-licus*, в Хорватии *Lika*, которые объединяются в группе слов, содержащих и.-е. корень **leik-* ‘гнуть’ [Pokorny, p. 669]. Рефлексы данного корня сохранились и в балтийских языках, ср. лит. *lièknas* ‘стройный’.

Думается, что главным источником, породившим перечисленный ряд антропонимов, может быть именно последнее гнездо. Единицы со значением „сгибания-поворотливости“ в образовании древних антропонимов сыграли довольно важную роль³.

Ср. а) лит. *bugùs, bûgùs* ‘пугливый’, д.-в.-н. *biogan* ‘гнуть’, *bogo* ‘лук’, др.-инд. *bhoga* ‘изгиб’, *bhujáti* ‘сгибает’ // антропонимы: лит. *Bûgà, Bugys, Bug-vila*, герм. *Buga, Vugo*, др.-инд. *Bhoga, Bhoga-deva, Bhuja-bala*;

б) лит. *liñkti* ‘гнуть’, *lañkas* ‘дуга, лук’, польск. *łęk*, серб.-хорв. *лук* // антропонимы: лит. *Lankis, Lañk-manas, Linkÿs*, др.-прусск. *Lankut, Linko*, польск. *Łeko-mir*, серб.-хорв. *Luko-mir*;

в) лит. *vartÿti* ‘переворачивать’, *viřsti* ‘свалиться, превратиться’, русск. *воротить*, чеш. *vratiti*, польск. *wrócić* // антропонимы: лит. *Vartas, Vartulis*, др.-прусск. *Wart-wille, Jo-wart, Po-wirte*, др.-русск. *Voroti-slav*, чеш. *Vrati-bor*, польск. *Wróci-slav* и т.д.

2.4. *Sei-/Soi-*: лит. *Sajà, Sàjus, Saj-etas, Saj-ðnas, Sai-kus, Sej-ðnas, Sei-ka, Sei-m-ikas, Sei-bùtis, Sei-bùtis*, в письменных памятниках Саитис [Jablonskis,

³ Ср. у М. Шёнфельда: „... Der Begriff „biegsam, gewandt“ wäre zur Bildung von Namen ganz brauchbar“ [Schönfeld, p. 155].

р. 321], Сэй-бут [Jablonskis, p. 287], Сай-монъ-овичъ [Переписи, с. 106], др.-прусс. Say-ons, Say-both, Say-mon [Trautmann, p. 85], Sey-t-une [Trautmann, p. 91], лтш. Sai-mis [Blese, p. 239], Sei-ke, Sey-me, Sey-usse [Blese, p. 310]; герм. Seito, Sei-bert, Sei-frid, Sei-mund, Sey-wald [Förstemann, p. 1067], Sëymo [Förstemann, p. 1084]; кельт. Seitus, Sei-us [Holder, 2, p. 1459], Soiana, Soiatá, Soimus, Soio(n) [Holder, 2, p. 1598]; фрак. Σειος [Detschew, p. 477], Σοια, Soie, Soio [Detschew, p. 465], Σει-τάλκας [Detschew, p. 440], иллир. Sei-(i)о [Krahe, p. 169].

Литовские антропонимы с компонентом *Sei-* (типа *Sei-butis*) К. Буга включает в список СИ неясного происхождения [Būga, 1, p. 205].

Германскую антропооснову *Sei-* в именах типа Sey-bert, Sei-mund и т.п. Э. Фёрстеман относит к группе единиц, возникших на базе и.-е. корня **sēi-* 'связывать' [Förstemann, p. 1066]. В группу слов, содержащих в своем составе данный корень, включаются апеллятивы типа лит. *siėti; siėja* 'связывать', *saitas* 'привязь, связь', лтш. *siet* 'связать', *saite* 'завязка, шнурок', *sija* 'балка', др.-прусс. *-saytan* 'ремень'; ст.-слав. *sěbъ* русск. *сеть* и т.д.⁴

Указанный ряд генетически родственных слов можно не только считать этимологически соответствующей германской антропооснове, но и с такой же степенью вероятности воспринимать как источник, породивший соответствующий балтийский компонент. Лексемы со значением связи-родства в и.-е. антропонимии сыграли немаловажную роль. Ср. хотя бы отражение ряда генетически родственных единиц, содержащих и.-е. корень *bhendh 'быть связанным': лит. *bandà* 'стадо, буханка, имущество', *beñdras* 'общий', д.-в.-н. *bant*, гот. *band*: 'связь', др.-инд. *bandh* 'связывать' // антропонимы: лит. *Bandys*, *Tri-bandis*, др.-прусс. *Bande*, *Bandiko*, *No-bande*, *Per-bande* [Trautmann, p. 132], герм. *Bando*, *Pando*, *Band-rad*, *Pand-ulf* [Förstemann, p. 245]; др.-инд. *Vṛka-bandhu*, *Śruta-bandhu* [Fick, CLXIX] и т.д.

Заслуживает внимания наличие параллелей (аналогичных композит) типа лит. Сой-монт-, др.-прусс. *Sy-munt* / герм. *Sei-mund*, *Si-mund*; др.-прусс. *Say-both* / герм. *Si-boto*; лит. Си-кор(оятис) / герм. *Si-charia*; герм. *Si-thalkus* / фрак. Σι-τάλκας.

Количество сходных единиц и характер сходств, а также расположение соответствующих собственных имен в пространстве дает основание думать о следующем: а) данное явление (совокупность антропонимов, содержащих в своем составе компонент *Sei-*) представляется продуктом общности, которую

⁴ Сюда, по всей вероятности, может быть отнесено некоторое множество антропонимов, содержащих основу *Si-* (имеется в виду то, что на ступени редукция корень *Sei-* должен принимать форму *Si-*). Ср. антропонимы: лит. *Si-but-ävičius*, *Si-daugas*, в памятниках Си-короятис [Jablonskis, p. 222], др.-прусс. *Sy-mile*, *Sy-munt* [Trautmann, p. 92]; герм. *Si-bert*, *Si-boto*, *Si-charia*, *Si-mund* [Förstemann, p. 1036–1096], *Sithalcus* [Förstemann, p. 1110]; фрак. Σι-τάλκας [Detschew, p. 440].

условно называют „древнеевропейской“; б) в образовании сходных единиц главную роль сыграло контактирование племен, хотя не исключены и некоторые причины типологического характера; в) в ряде случаев возможны следы конвергенции сходных единиц разного происхождения. Допустимо, например, сближение антропонимов типа *Sy-munt / Say-mon* с единицами, обусловленными христианским именем *Simon* (из латинизированного древнееврейского *Šim'ôn* от *šāmá* ‘слушать, услышать’). При анализе др.-прусс. имени *Symanne* [Trautmann, p. 91], на наш взгляд, нельзя быть уверенным в том, что данное имя является разновидностью христианского имени *Simon*, т.е. не исключено, что этот др.-прусс. антропоним является единицей ряда *Say-mon, Sy-munt* (ср. многочисленные др.-прусс. композиты с компонентом *man* в качестве второго члена: *Euman, Gayle-manne, Per-mane, Sur-manne* и т.д.). Возможно, др.-прусс. имя *Symanne* на определенном этапе развития антропонимии могло совмещать функции одновременно двух антропонимических явлений; г) древнерусский антропоним *Соймоновы* Н. А. Баскаков относит к единицам тюркского происхождения [Баскаков, 1979, с. 70]⁵. Не менее правдоподобной представляется мысль о том, что собственное имя *Соймоновы* порождено вышеуказанным антропонимическим рядом единиц „древнеевропейского“ типа, содержащих основу *Sei-/Soi-* (ср. др.-прусс. *Say-mon*). Н. А. Баскаков в своей работе, как правило, приводит сведения из существующих родословных. В данном случае такого аргумента у него нет, „в родословной *Соймоновых* нет упоминаний о том, что их предки являются выходцами из Золотой Орды“. Встает вопрос, что положить в основу выбора одной из двух взаимоисключающих возможностей: определяющим фактором считать наличие соответствующего тюркского апеллятива, или же отдать предпочтение наличию аналогичных антропонимов в ряде индоевропейских языков. На наш взгляд, при изучении собственных имен главным аргументом должны служить данные онимии. Если признать, что древнерусский антропоним *Соймоновы* порожден так наз. „древнеевропейской“ общностью, то, разумеется, придется иметь в виду, что эта единица оказалась на восточнославянской почве после завершения известных общеславянских звуковых процессов.

3.1. В процессе становления собственных имен общение между группами говорящих на разных языках и диалектах сыграло еще более важную роль, чем в формировании апеллятивной лексики. Развитие системы собственных имен иногда могло протекать иным путем, чем развитие апеллятивной лексики. Известны случаи, когда язык в основных чертах сохранял свой

⁵ По мнению автора, данный антропоним „имеет, безусловно, тюркско-монгольскую основу – слово *Sojmon* ‘двигающийся быстро, извиваясь; ловкий, увертливый, бойкий’ (о человеке); ср. кырг. *sojmondo-* ‘двигаться быстро и извиваясь’.

характер, а антропонимическая система становилась почти полностью заимствованной (напр., хеттский) [Milewski, 1957, p. 37]. Иногда язык исчезал почти бесследно, а определенное количество собственных имен продолжало свое существование. В настоящее время мы почти ничего не знаем о языке ассимилированных славянами племен Верхнего Поднепровья. Тем не менее там обнаружено довольно много гидронимов, которые по своему характеру признаются балтийскими⁶. Известны такие факторы, которые влекли за собой существенные изменения в системе собственных имен, но не оказывали заметного влияния на состав нарицательной лексики (напр., христианизация). Указанные особенности обусловлены известной автономностью единиц онимической лексики.

3.2. Указания на сходство антропонимических систем европейской зоны содержатся в работах ряда исследователей. Кто при изучении одной из антропонимических систем данного ареала обратил внимание на особенности оними соседних народов, тот непременно замечал поразительное и, казалось бы, не всегда поддающееся объяснению сходство. Напр., Т. Милевский обратил внимание на сходство кельтской, германской, иллирийской и фракийской антропонимических систем. Он говорил, что общие особенности антропонимии указанных языковых групп обусловлены прежде всего влиянием кельтской онимии. Это влияние, согласно Т. Милевскому, было особенно интенсивным в IV—II вв. до н.э. [Milewski, 1969, p. 217].

Х. Краз говорит о сходстве большого количества кельтских и германских сложных антропонимов. Правда, он думает, что это главным образом лишь формальное соответствие, но тем не менее, по мнению Х. Краз, вряд ли наблюдается такое сходство антропонимических систем в другой паре индоевропейских языков [Krahe, 1954, p. 138].

Р. Шмитлейн находит большое количество аналогичных единиц в балтийской и германской гидронимии. Согласно Р. Шмитлейну, многие литовские собственные имена построены по образцу германских или просто заимствованы [Schmittlein, 1963, p. 241—250; 1964, p. 15—20, 81—88, 161—168, 281—292]. Многие из указанных Р. Шмитлейном гидронимов представляют собой единицы антропонимического происхождения, или же, по крайней мере, находятся в зоне пересечения двух множеств (гидронимов и антропонимов). А. Вангагас в своей рецензии подвергает резкой критике многие положения Р. Шмитлейна. Однако существенной является следующая мысль рецензента: „Что касается связи литовской антропонимии с германской, то необходимо подчеркнуть сложность этого вопроса. Сходство между некоторыми самими

⁶ Некоторые из них могут рассматриваться просто как единицы, относящиеся к группе гидронимов так наз. „древнеевропейского“ типа.

древними литовскими и германскими антропонимами действительно существует“ [Ванагас, 1966, с. 101—102]. Нас прежде всего интересует то обстоятельство, что все указанные утверждения (Т. Милевского, Х. Краз, Р. Шмитлейна, А. Ванагаса) в конечном счете сводятся к мысли о существовании определенного количества сходств в антропонимических системах европейской зоны.

3.3. Характер связи между сходными единицами в антропонимии данной зоны может быть не одинаковым: а) сходные антропоосновы могут быть результатом унифицирующего взаимодействия разных антропонимических систем как автономных и весьма мобильных подсистем языка; б) наличие сходных антропонимов может быть обусловлено их возникновением на базе родственных апеллятивов в результате аналогичных типологических особенностей образования собственных имен; в) причиной сходства незначительного количества единиц в разных языках может быть просто случайность (в любом языке имеется лишь ограниченное количество звуков и их комбинаций).

Думается, что определяющим является первое предположение (а). Если бы на базе каждого отдельного языка самостоятельно формировалась вся совокупность антропонимических единиц, то было бы невозможным поразительное сходство такого количества элементов. Таким же образом, как и.-е. название отца (др.-инд. *pitar*, лат. *pater*, д.-в.-н. *fater* и т.д.) во многих языках произошло на основе какой-то праформы древнейшей поры, многие так наз. „древнеевропейские“ антропоосновы восходят к праформам довольно раннего периода, к праформам, которые уже были „именами“ [ср. Крахе, 1954, р. 60—61]. Иначе говоря, мы склонны считать, что сходство определенного количества антропооснов и их сочетаний, функционирующих в нескольких антропонимических системах, может быть обусловлено распространением уже готовых собственных имен. Данное явление может быть охарактеризовано также как продукт генетического родства. Вполне справедливой представляется мысль П. Кречмера, высказанная в его „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache“: „Между понятием родства и заимствования с лингвистической точки зрения существует только хронологическое различие [цит. по кн.: Арапов, Херц, 1974, с. 20].

4. Вышеприведенные материалы целесообразно воспринимать как дополнение к результатам, полученным исследователями древней гидронимии (главным образом Х. Краз и В. П. Шмидом). Следовательно, имеется основание говорить о том, что соответствующий регион характеризуется своеобразным онимическим ландшафтом, в который вписывается и часть древней антропонимии.

DIE REFLEXE DER SOGENANTEN ALTEUROPÄISCHEN STÄMME IN ANTHROPNYMIE

J. JURKĖNAS

Zusammenfassung

In jüngster Zeit ist es gelungen, eine prähistorische Gewässernamengebung von indogermanischer Herkunft aufzudecken. Man hat diese Erscheinung als alteuropäische Hydronymie bezeichnet. Die Untersuchung der indogermanischen Anthroponymie kann auch interessante Abschlüsse über viele anthroponymische Stämme, die sich in demselben Raum erstrecken, liefern. In vorliegendem Artikel ist eine bestimmte Anzahl der anthroponymischen Komponenten angeführt, die als alteuropäische Elemente betrachtet werden können.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов, Херц, 1974 — Арапов М. В., Херц М. М. Математические методы в исторической лингвистике. — М., 1974.
- Баскаков, 1979 — Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. — М., 1979.
- Бирялло, 1966 — Бірыла. Беларуская антрапанімія. — Мінск, 1966.
- Ванагас, 1966 — Ванагас А. Raymond Schmittlein, Les noms d'eau de la Lituanie... — Baltistica, 1966, т. 2.
- Веселовский, 1974 — Веселовский С. Б. Ономастикон. — М., 1974.
- Переписи, 1915 — Литовская Метрика, отд. 1, ч. 3. Переписи войска литовского. — Пг., 1915.
- Фасмер, 1967, 2 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1967, т. 2.
- Blese, 1929 — Blese E. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. — Rīgā, 1929.
- Būga, 1958, 1 — Būga K. Rinktiniai raštai. — V., 1958, t. 1.
- Detschew, 1957 — Detschew D. Die thrakischen Sprachreste (Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, XIV). — Wien, 1957.
- Fick, 1874 — Fick A. Die griechischen Personennamen. — Göttingen, 1874.
- Förstemann, 1856 — Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. — Nordhausen, 1856.
- Fraenkel, 1962 — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1962.
- Holder, 1896–1907 — Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. — Leipzig, 1896–1907, Bd. 1–3.
- Jablonskis, 1934 — Jablonskis K. Istorijos archyvas. — K., 1934.
- Kaufmann, 1968 — Kaufmann H. Ergänzungsband zu Ernst Förstemann Personennamen. — München, 1968.
- Krahe, 1929 — Krahe H. Lexikon altillyrischer Personennamen. — Heidelberg, 1929.
- Krahe, 1954 — Krahe H. Sprache und Vorzeit. — Heidelberg, 1954.
- Krahe, 1958 — Krahe H. Indogermanische Sprachwissenschaft. — Berlin, 1958, Bd. 1.
- Milewski, 1957 — Milewski T. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych. — BPTJ. Wrocław–Kraków, 1957, zes. 16.
- Milewski, 1969 — Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe. — Wrocław–Kraków, 1969.

- Pokorny, 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Bern – München, 1959, Bd. 1.
- Schmid, 1972 – Schmid W. P. Baltische Gewässernamen und das vorgeschichtliche Europa. – Indogermanische Forschungen, 1972, Bd. 77.
- Schmid, 1973 – Schmid W. P. Aura und Aurajoki. – Baltistica. V., 1973, t. 9 (2).
- Schmid, 1976 – Schmid W. P. Baltisch und Indogermanisch. – Baltistica. V., 1976, t. 12 (2).
- Schmid, 1978 – Schmid W. P. Indogermanistische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte. – Mainz, 1978.
- Schmidt, 1957 – Schmidt K. H. Die Komposition in gallischen Personennamen. – Tübingen, 1957.
- Schmittlein, 1963 – Schmittlein R. Les noms d'eau de la Lituanie. – Revue Internationale d'Onomastique. Paris, 1963–1964, p. 15–16.
- Schönfeld, 1965 – Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. – Heidelberg, 1965.
- Ślownik, 1965–1973 – Słownik staropolskich nazw osobowych. – Wrocław–Warszawa – Kraków, 1965–1973, t. 1–3.
- Svoboda, 1964 – Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. – Praha, 1964.
- Trautmann, 1925 – Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. – Göttingen, 1925.

*Шяуляйский педагогический
институт им. К. Прейкшаса
Кафедра современного русского языка*

Ноябрь, 1980